

Татьяна В. Коренькова
Андрей Ю. Краев
Александр В. Кореньков

Москва, Россия
Ружомберок, Словакия
Москва, Россия

РУССКИЙ ЯЗЫК В СЛОВАКИИ

1. Русскоязычье в Словакии в контексте языковой ситуации в стране

Согласно последней переписи (2011 г.), самые многочисленные этнические группы среди граждан Словацкой Республики – это словаки (80,7%, или 4,4 млн чел.), венгры (8,5%, 460 тыс. чел), цыгане-ромы (2%, 106 тыс. чел.), русины и чехи (по 0,6%, 33 и 30 тыс. чел. соответственно) и украинцы (0,1%, около 7,5 тыс.). Русскими себя назвали 1.997 чел. В Словакии также проживает около 100 тыс. иностранцев, имеющих право постоянного проживания в стране: экспатов – сотрудников ТНК, трудовых мигрантов и беженцев, – численность которых оценивается от 93,3 тыс. до 104,4 тыс. (данные International Organisation for Migration, 2016 и 2017 г. соответственно) до 177 тыс. (данные ООН на 2015 г.) и 186 тыс. (Евростат 2017). По словацким оценкам, более 80% постоянно проживающих в стране иностранцев – граждане государств Евросоюза (чехи, австрийцы, венгры и венгерские словаки, румыны и молдаване с румынскими паспортами и др.). Самые значительные миграционные потоки из не-ЕС – украинцы (13.042 без учёта нелегальных мигрантов), сербы (12.259), россияне (4.036), а также китайцы, вьетнамцы и корейцы (8.077) (SLM 2017; MiS 2017). Интересно, что эти сухие цифры статистики заметно расходятся с итогами ответов во время переписи на вопросы «Какой Ваш родной (материнский) язык?» и «На каком языке Вы говорите дома?» (табл. 1):

Таблица 1. Родной язык по данным переписи

	материнский язык (в тыс. чел.)	домашний язык (в тыс. чел.)
словацкий	4.240	3.954
венгерский	509	472
ромский	123	128
русинский	55	50
чешский	35	17
украинский	~6	~3

Русский язык в качестве родного указали 2.909 человек, но дома им пользуются только 1.250 опрошенных. Такой разброс данных во многом объясняется некоторой лабильностью этнической самоидентификации многих граждан страны, славянское население которой выдержало 1000 лет настойчивой мадьяризации (906–1918 гг.) и в которой находится географический центр Европы – словацко-немецкая деревня Крагуле (Krahule, Blaufuß) в Банско-Быстрицком крае.

Итог исторического пути Словакии определяет тот факт, что её жители традиционно не только мульти-, но и зачастую плюрилингвы. Практически все они, кроме государственного языка, понимают и могут без проблем общаться и получать информацию на чешском (характерная деталь: многие официальные лица даже не считают нужным указывать его в анкетах в графе «знание иностранных языков»). Вместе с тем навязываемый словакам и русинам с 1920 г. административный «чехословацкий язык» был воспринят с явным раздражением и отменен в момент распада ЧСР и создания Первой Словацкой Республики, а вторично и окончательно уже в ЧССР в 1948 г. Многие словаки южной части страны владеют венгерским языком или как минимум понимают его на быто-

вом уровне. Кроме того, словацкий язык взаимопонятен для носителей польского, украинского, белорусского, сербохорватского и даже словенского языков, и такого рода гетерославянское общение точно воспроизводит ситуацию, описанную на ином материале термином языковой «киевский компромисс» (Weir 2010; Коренькова, Кореньков 2013: 31).

По данным Евростата (Jakub 2014a; Eurostat 2018a; Eurostat 2018b), 88,2% граждан Словакии в возрасте от 25 до 65 лет владеют одним и более иностранными языками, уступая по этому показателю только скандинавским и прибалтийским странам, Финляндии, Мальте и Кипру. При этом тремя языками владеет 28%, а двумя – 35,4% опрошенных.

Русским как иностранным в Словакии, по разным данным, владеет от 7,5% (LiS 2012) до 17% (ЕВ 2012: 22; Jakub 2014b) и даже до 29% (ЕВ 2006: 13). Такой большой разброс данных, как и сокращение числа владеющих русским языком словаков всего за шесть лет на 12%, указывают как на приблизительность этих оценок, так и на расплывчатость критериев оценки качества формулировок опросных листов, недоучёт специфики словацкого мультилингвизма и других методологических недостатков подобных социологических исследований.

1.1. Русскоязычные граждане Словакии

Согласно § 1 п. 2. Закона об использовании языков национальных меньшинств от 1999 г. (*Zákon č. 184/1999 o používaní jazykov národnostných menšín*), к числу языков национальных меньшинств в Словакии официально были отнесены болгарский, венгерский, немецкий, польский, ромский (цыганский), русинский и украинский, чешский, хорватский (градишанские хорваты). Авторы закона опирались на существование территориальных общин – мест компактного проживания представителей этих народов. В 1994 г. в число национальных меньшинств словацкий парламент включил традиционно проживающих в стране евреев и сербов. Тогда же на волне «моравского возрождения» в период распада ЧСФР на Чехию и Словакию национальным меньшинством признали мораван.

Словацкие русские со времён постреволюционной миграции и эвакуации из России живут в Словакии *дисперсно*, обычно в крупных городах (Harbul'ová 2000; Harbul'ová 2001; Harbul'ová 2005; Harbul'ová et al. 2006). Активисты русской общины смогли зарегистрировать свою организацию «Союз русских Словакии» (СРС) только в конце декабря 1997 г., обрести в Словакии официальный статус национального меньшинства, а также право получать госдотации на программы по поддержке родного языка и культуры (Чумаков 2011; *Zväz Rusov na Slovensku*; RNM). На практике членами СРС становятся не только русские, но по своей воле все русскоязычные: восточные украинцы, белорусы, татары, казахи, армяне и даже их словацкие родственники-русифилы.

Главными проблемами при регистрации СРС были требования доказать нетождественность словацких русских с уже имеющими требуемый статус русинской и украинской общинами и автохтонность (историчность) собственно русской общины. Первое было связано со спецификой восприятия словаками всех выходцев с земель Руси, Российской империи и затем СССР. Так, в демографической статистике 1920-х – 1980-х гг. русины, русские и украинцы учитывались в единой графе: 95 тыс. в 1930-м и 39 тыс. в 1970-м. Только в 1991 г. выяснилось, что в Словакии 17 тыс. человек считают себя русинами, 13 тыс. украинцами и 1,4 тыс. русскими. Последнее условие активисты СРС выполнили отсылками к историческим миграционным и даже династическим связям Руси и Великой Моравии и указанием на факт существования в начале XX в. на территории Словакии 17 деревень, которые имели типично великорусские названия Медвежье, Птичье (*Medvežie, Ptičie*) или содержали слово *Ruská, Ruský*. Русские официально получили статус традиционного национального меньшинства в Словакии в 2005 г., а в 2015 г. консультативный орган при правительстве СР по делам национальных меньшинств и этни-

ческих групп, заслушав очередной доклад об осуществлении Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств в Словацкой Республике, планировал рассмотреть вопрос о предоставлении русскому и сербскому языкам статус языков национальных меньшинств (SITA 2015). Но русские / русскоязычные ни в одном населённом пункте на территории республики не составляют предписанных законом 20% населения, и вопрос его статуса в этой ситуации, по сути, сводится к получению больших прав, льгот и дотаций для культурных и образовательных начинаний членов СРС.

Финансирование мероприятий 8 региональных автономных организаций – членов СРС осуществляется в рамках госпрограммы «Культура национальных меньшинств». В 2017 г. на долю организаций русской (русскоязычной) общины пришлось €62.100, или 1,38% госдотаций, направляемых на поддержку культуры национальных меньшинств Словакии через профильный Фонд (Fond na podporu kultúry národnostných menšín). Для сравнения: венгерские национально-культурные НПО получили 50%, русинские 7,6%, украинские 2,6% (KNM 2017). Так что справедливый принцип финансирования такого рода программ с учётом численности нацменьшинств в целом соблюдается.

Основные мероприятия общины, кроме издания двуязычного журнала-двухмесячника «Вместе / Spolu» (выходит с 1999 г.) и поддержки сайта СРС (zvazrusov.sk), – фестивали чтецов русской поэзии и прозы «Русское слово» (проводятся совместно с украинскими и белорусскими землячествами), общесловацкий песенный фестиваль «Русская песня над Дунаем», летний детский кинолагерь и акция «Русский фильм в школе», Вечер русских песен и романса, танцевальные конкурсы и познавательные викторины, детские утренники «Новый год Деда Мороза и Снегурочки», празднование Старого Нового года. Словацкая общественная телерадиокомпания RTVS несколько раз в год в рамках программы *Národnostný magazín* транслирует получасовые передачи о словацких русских на русском языке.

В словацком общественном сознании «русские» – горожане, специалисты с высшим образованием – традиционно имеют высокий статус. На их имидж не так сильно, как в других странах, влияли волны про- или антисоветских настроений в 1920-х – 2000-х гг., проблемы экономического и политического характера в период экономического кризиса 1930-х, Второй мировой войны и «Пражской весны». В силу сходства языков и менталитета, бытовых поведенческих моделей и установок словаков и русинов с одной стороны и русских, украинцев и белорусов с другой, смешанные браки большей частью не осложняются встречающимися в подобных случаях межкультурными коммуникативными барьерами. Эти эмпирические данные подтверждаются современными этнометрическими исследованиями: Синельников 2009, Inglehart et al. 2014: V4–8, 26–27. По шкале Хофстеде (Hofstede Insights) словаки заметно ближе к русским, чем даже чехам, по двум показателям: «Дистанция власти» (PDI: 100–93 vs 57 соответственно), «Долгосрочная ориентация» (LTO: 77–81 и vs 70) – и к украинцам по критерию «Потворство желаниям» (20–18 vs 29). Дети от смешанных браков при этнической самоидентификации обычно склоняются к тому, чтобы считать себя би- или мультилингвальными словаками или «словацкими русскими», более или менее регулярно посещают своих родственников в России, Беларуси или на Украине, но больше интересуются и лучше знают историю и жизнь в Словакии.

После вступления Словакии в ЕС в 2004 г. в страну устремились потоки беженцев с Кавказа: чеченцы и ингуши (по данным словацкой миграционной службы – более 3,5 тыс. за 2004–2007 гг. (подробнее: *Azyl a migrácia*; Matula 2005), которых местные СМИ определили термином «*Rusi čičenského pôvodu* / русские чеченского происхождения», а также сотни граждан Грузии, Армении и Абхазии, у которых также в большинстве случаев языком-посредником был русский. Но часть этой миграционной волны русскоязычного населения, которая получила право проживания в Евросоюзе, быстро проследовала далее на запад континента.

1.2. Экстралингвистические факторы: миграции

Особое отношение словаков к языкам восточных и южных славян, в том числе к русскому, во многом объясняется ключевым значением для культурно-исторического самосознания словаков кирилло-мефодиевского наследия. Миссионерская деятельность признанных и в православии, и в католичестве святыми просветителей славян Кирилла (Константина Философа) и Мефодия была связана с Великоморавской державой и одной из её столиц – г. Нитрой, где ещё в 828 г. была построена базилика, вероятно, самый древний христианский храм в землях славян. Двойной кирилло-мефодиевский крест (☩, dvojramenný kríž sv. Cyrila a Metoda) с тех пор стал эмблемой Нитры, а после завоевания Нитрянского княжества венграми перешёл на герб Венгрии, где остаётся до сих пор. Шестиконечный кирилло-мефодиевский крест с 1848 г. – официальный символ словацких земель, а с 2008 г. изображается на евро, изготавливаемых Монетным двором Словакии. Историками выявлены волны переселения части подунайских славян в Среднее и Верхнее Поднепровье как в VI–VII вв., так и в 920-х – 930-х гг. после разгрома венграми Великой Моравии (височные кольца «нитранского типа» в Гнёздовском городище). В словацких источниках популярна версия о чешско-моравском происхождении старшего сына Владимира Красна Солнышка – Вышеслава (977–1010).

В домонгольский период большую роль в сохранении православия и облегчении судьбы славян на словацких землях в составе Венгрии, в т.н. «Горной Венгрии» (Felvidék, Felföld, Felső-Magyarország, Horný vidiek, Horné Uhorsko, Hungaria Superior, Oberungarn), сыграли «русские королевы» – жёны и матери венгерских королей: Анастасия Ярославна (дочь Ярослава Мудрого, правила в 1046–1060 гг.), Евфимия Владимировна (дочь Владимира Мономаха), Евфросиния Мстиславовна (дочь Мстислава Великого) и нескольких не атрибутированных, в их числе и супруга Ласло Лысого – дочь Владимира I. Летописи и агиография фиксируют в те же времена частые переселения на Русь славяноговорящих выходцев из Венгрии: мученик Георгий-угрин († 1015; в «Житии свв. Бориса и Глеба»), «Житие Моисея-угрина Печерского» († 1043), преподобный Ефрем-угрин Новоторжский († 1053), – и тесные династические связи Галицко-Волынских князей с родом Арпадов, а также венгерско-суздальские контакты при поисках следов прародины мадьяр – «Великой Венгрии / Magna Hungaria» в Поволжье. С XII в. в русской фольклорной традиции появляется богатырь Дюк Степанович (обзор см.: Юрасов 2015).

Татаро-монгольское нашествие привело к новым массовым миграционным потокам, теперь уже главным образом с Руси в Карпаты и Венгрию. С целью привлечь в обезлюженную нашествием страну венгерские короли давали привилегии переселенцам – мастерам из Германии и воинам и земледельцам с Руси. В Подкарпатье, в Русьской Крайне / Русской марке (Marchia Rusenorum), в 1393–1414 гг. возникло автономное православное княжество во главе с собственным князем (dux Ruthenorum) Фёдором Кориатовичем из русско-литовского рода Гедиминовичей.

Следующие переселенческие волны в регионе пришлись на XVIII–XIX вв., когда в Россию первыми потянулись образованные русины (дипломат и воспитатель Петра II, наследника престола, И. А. Зейкан, первый ректор Санкт-Петербургского университета М. А. Балудьянский (Балугьянский), директор Нежинского и Ришельевского лицеев И. С. Орлай, директор Главного педагогического института В. Г. Кукольник и др.), а затем – колонисты-земледельцы в Крым, Новороссию¹, Волынь, Кавказ и Западную Сибирь. Словаки-лудильщики и жестянщики разошлись по Российской империи (Пукиш 2008), подарив русскому и украинскому языкам рубежа XIX–XX вв. словацкое слово *дротарь*. Многие образованные словаки, чехи и мораване – технические специалисты, педагоги,

¹ О вероятном влиянии языка чешских и словацких колонистов в Российской империи на стихотворение А. Кручёных см.: Коренькова, Кореньков 2017: 92, прим. 78.

врачи¹, служащие, предприниматели и др. – делали карьеру или находили доходные места в российских городах. Самые большие их колонии сложились после 1860-х гг. в С.-Петербурге, Москве и Киеве. Именно в этот период возникли такие словацкие фразеологизмы, как *Zdravý ako Rus* (здоров, как русский) и *I na Rusi robíť musí* (и в России работать надо [чтобы хорошо и богато жить]).

В межвоенной Чехословакии на словацкой земле, прежде всего в её столице, возникли многочисленные профессиональные, ветеранские, просветительско-филантропические и молодёжные (скаутские) организации русской эмиграции: «Русский кружок» (с 1920 г.), Всеказацкое общество в Словакии, братиславский филиал Общества инженеров и техников в Чехословакии, Русский клуб в Братиславе, Всеказацкое общество атамана Каледина в Словакии, словацкое отделение Общества галлиполийцев, «Русская беседа – Русское собрание», Объединение русских эмигрантов в Кошице, Всеказацкое общество студентов вузов в ЧСР, Физкультурное общество «Русский сокол» в Братиславе и др. (Чумаков 2008). После распада ЧСР в Первой Словацкой республике существовали эмигрантские «Русский национальный союз участников [мировой] войны, живущих в Словацком государстве», Русский народный и социальный союз, Общество врачей русской национальности в Братиславе (подробнее: Harbuľová et al. 2006).

Участие 50-тысячного чехословацкого корпуса (Česko-slovenské légie) на стороне белых и интервентов в Гражданской войне в России, который в 1918–1920 гг. с боями прошёл от Пензы и Казани по Транссибу до Владивостока, и 30-тысячного 1-го Чехословацкого армейского корпуса на стороне СССР в Великой Отечественной войне, а также послевоенные «оптации» – обмены населением, коснувшиеся от 5 (по официальной статистике) до 15–20 тыс. словаков и русинов (Шмигель 2017: 223–224), содействовали распространению русского языка в Словакии, так как большая часть оптированных переселялись в её приграничные с УССР восточные регионы. В 1950–1990 гг. в Словакию переезжали по семейным причинам: молодые словаки, получившие образование в СССР², с русскими, украинскими и белорусскими жёнами. Из Киргизии вернулись члены чехо-словацкого кооператива «Интергельпо», которые ещё в 1924-м по призыву В. И. Ленина добровольно уехали строить социализм в советской Средней Азии.

1.3. Экстралингвистические факторы: русины и русский язык

Русины исторически компактно проживают в ряде стран региона Центральной и Восточной Европы, в т.ч. в Сербии и Хорватии (паннонские русины, 14–16 тыс. и ~2 тыс. соответственно), Румынии (~4 тыс., «гуцулы» и «рутены»), Венгрии (1,2–4 тыс., карпатороссы / *kárpát-oroszok*), Чехии (~1 тыс.), Молдавии. На Украине (согласно переписи 2001 г. русинами себя назвали 10.100 чел., по оценкам до 70 тыс.) и в Польше (оценочно 5,8 тыс. «лемков» и «бойков») их этническая самобытность официально отрицается. Самая значительная и влиятельная русинская диаспора – в США и Канаде (~9 тыс., главным образом, по самоопределению «выходцы из старой Австро-Угорской Руси»). В России, согласно переписи 2010 г., 225 русинов. Компактно проживающее на северо-востоке Словакии автохтонное национальное меньшинство русины, исторически известное также под этнонимами карпаторусы, карпатороссы, угророссы, угрорусы, рутены, – особый фактор, поддерживающий интерес к русскому языку в стране.

Возникновение русинов как самобытной этнической общности связано с массовым переселением во время татаро-монгольских нашествий жителей древнерусских княжеств и Литовской Руси в труднодоступные места Карпат под защиту гор и венгерской короны.

¹ Самый известный из них – Душан Маковицкий, личный врач и душеприказчик Л. Н. Толстого.

² Суммарная численность иностранных граждан, получивших образование в советских вузах в 1950–1985 годах из зарубежных стран региона ЦВЕ: ГДР 18.061, Болгария 16.702, Польша 12.809, Венгрия 10.334, Чехословакия 9.305, Румыния 2.844 (Арефьев, Шереги 2009: 21).

Русинские диалекты веками развивались в условиях горной замкнутости и особом историческом контексте в языковом славяно-славянском и славяно-венгерском пограничье. Относительная автономия, которую даровали временами отдалённому фронтиру Венгрия и Габсбурги, а также принадлежность к православной и с 1646 г. к греко-католическим церквям позволяли русинам контактировать с католиками словаками и поляками и венграми-протестантами, не растворяясь в соседних народах (см.: Рупосова 2012).

Славянское возрождение XVIII в. и «будительство» 1830-х – 1890-х гг. вывело в основной фокус русинского духовного самосознания в качестве доминирующей русофильскую идеологию. Её сторонники рассматривали Россию как прямую наследницу Киевской Руси и исходили из представления о существовании единого «русского» народа в составе великороссов, малороссов, белорусов и карпатороссов. Литературный русский язык они считали общерусским, т. е. естественным для русинов, проводя аналогии с ролью общенациональных литературных языков на фоне диалектной пестроты Италии и Германии и с происходящими там объединительными процессами. Русинская интеллигенция смогла остановить мадьяризацию региона, которая усилилась после революции 1848 г. и австро-венгерского соглашения 1867 г., и добиться начала изучения русского языка в вузах Венгрии (учебники И. Раковского, А. Духновича), преподавания русской грамматики и некоторых учебных предметов на русском в гимназиях Ужгорода и Мукачева (Геровский 1995: 69–70, 84–85), а также издания книг и журнальной периодики на общерусском языке. «Литературным русским языком пользовалось и мадьярское правительство для русского населения (русское издание законов 1868 года)» (Геровский 1938).

Скатывание Европы в Первую мировую войну трагически отразилось на судьбах русинского народа. В её преддверии австро-венгерские власти инициировали первую волну украинизации («галицизации») карпатороссов и кампанию судебных процессов против «москвофилов». С осени 1914 г. начались этнические чистки: около 100 тыс. русинов подверглись депортациям, порядка 60 тыс. (и в первую очередь бóльшая часть русинской интеллигенции) были физически уничтожены, в т.ч. в первых на европейской земле лагерях смерти – Талергофе и Терезине.

В период создания Чехо-Словацкой республики, куда Подкарпатская Русь и Моравия вошли в расчёте получить автономные права («Филадельфийское соглашение», 26.10.1918), языковой вопрос решал Генеральный Статут (18.11.1919). Согласно ему, языком управления и школьного обучения в русинских землях признавалась «простонародная речь Карпатской Руси». На практике, вопреки воле местного населения, Прага продолжила политику насильственной «галицизации» русинского образования. Как относилось русинское население к этой кампании лучше всего видно по результатам народного голосования за язык учебников, которое прошло осенью и зимой 1937–1938 гг. в селениях Карпатской Руси. Голосование это было допущено чешскими школьными властями (министерством народного просвещения в Праге) из-за того, что само это министерство в момент предвоенного кризиса сочло невозможным держаться и впредь в отношении языка обучения насильственных мер и тем самым признало несостоятельность прежних стеснений русского языка. За русские учебники и за обучение на русском литературном языке высказалось 73% всех родителей детей, посещавших начальные школы, а 27% согласилось на сохранение учебников, бывших в употреблении до того времени (Геровский 1938). В межвоенный период среди русинской интеллигенции развернулась острая полемика между «москвофилами» и «русинами-украинцами» (Волошин 1921; Зоркий 1926; Геровский 1938; Аристов 1995; Ferdinec, Csernicškó 2017). Важным моментом русинской культуры тех лет было создание в с. Ладомирово (Владимирово) под Свидником в 1923–1945/46 гг. важнейших религиозно-просветительских

центров РПЦЗ и всего Русского Зарубежья – монастыря преподобного Иова Почаевского¹ и Почаевского типографского братства.

Сразу после освобождения восточной Словакии в 1944–1945 гг. в русинских школах Подкарпатя было восстановлено преподавание на русском языке, открылись новые «русские» гимназии (Медзилаборце и др.). Но на рубеже 1940-х – 1950-х гг., исходя из геополитических соображений, СССР, ЧССР и Польша признали автохтонов Подкарпатя, носителей западнокарпатских говоров (лемков, бойков, гуцулов и подкарпатских русинов) всего лишь этнографическими группами украинцев. Это решение подорвало позиции в общественном мнении русинов, как сторонников русской, так и украинской ориентации и дало импульс движению русинизма, т.е. развития собственно русинского литературного языка (Ferdinac, Csernicškó 2017: 70–71). Акт кодификации карпаторусинского литературного языка (пряшевского варианта) Восточной Словакии прошёл 27 января 1995 г. в Братиславе (Толстой 2005: 73).

Представители русинской интеллигенции всех трёх направлений традиционно хорошо владеют русским литературным языком, считая его одним из своих исторических, а не иностранных, свободно говорят, читают и пишут, в т.ч. научные труды и художественные произведения (в этом аспекте чрезвычайно интересно творчество поэта и переводчика Валерия Купки; см.: Барковская 2016). В репертуаре русинского Театра А. Духновича в Прешове (divadload.sk) пьесы и инсценировки произведений Гоголя, Льва Толстого, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, «К. Пруткова», Чехова, Горького, Вен. Ерофеева и современных русскоязычных авторов (Н. Уваровой и А. И. Крыма). В восточной части Подкарпатской Руси (Закарпатская область Украины) в условиях венгерско-русинско-румынско-молдавско-немецко-украинской полигlossии вопреки политике властей русский язык сохранил функции *lingua franca* (Палади 2011: 160–162).

2. Русский язык в словацком обществе: мотивация изучения

В личностном плане мотивы изучения иностранных языков обычно делятся на внешние, прагматические соображения: карьерные перспективы, доступ к информации, легкость изучения (например, для путешествия или написания диплома), – и внутренние, эмоциональные: привлекательность, престижность, интерес к стране, саморазвитие, семейные обстоятельства. К сожалению, современных репрезентативных социолингвистических исследований мотивации словаков, изучающих русский язык, нет, но вряд ли их результаты сильно отличались бы от мотивов чехов в возрасте до 35 лет, участвовавших в 2009 г. в подобном опросе (Целунова 2011: 22–24). Опрос проводился среди слушателей курсов РЦНК в Праге, студентов Государственной школы иностранных языков и Пражского института отельного бизнеса (всего участвовало 163 человека; давать можно было несколько ответов; табл. 2).

Таблица 2. Мотивация к изучению языка

Анкетные вопросы	человек	% (округлено)
РЯ нравится	123	~76
РЯ для работы	91	~56 ²
желание путешествовать по России	72	~45
интерес к России	48	~29
интерес к русской литературе	19	~12
желание родителей / общаться с друзьями и родственниками	8	~5
иные причины	10 ³	~6

¹ Значимая деталь: русином, послушником этого монастыря был Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Лавр, который в 2007 г. подписал с Патриархом Московским и всея Руси Алексием II Акт о каноническом общении (воссоединении) двух канонических русских православных Церквей.

² Для возрастной категории 20–35 лет – 75%.

³ Русский более лёгкий язык для изучения, чем другие предлагаемые. У 4-х студентов указан эстетический мотив: «нравится русская азбука», т.е. кириллица.

Опрошенные в этой возрастной выборке подростки и молодые люди, изучающие русский язык, не имеют негативного опыта с ним в качестве обязательного языка. О важности этого фактора для Словакии говорит такая спонтанная реплика на форуме книголюбов (*перевод со словацкого*): «У меня были предубеждения против русских авторов. Я ненавидел язык оккупантов. ...Я сегодняшний только об одном жалею, что за 10 лет обязательного русского я так практически и не сумел ничему научиться. Кроме отрывка из письма Татьяны Анегину».

Словацкие СМИ, анализируя причины роста интереса словаков к изучению русского языка, обычно указывают прагматические причины: его распространённость (для 120–130 млн. европейцев он родной, он язык ООН и других международных организаций); торговые связи Словакии с русскоязычными странами, их компаниями и деловыми партнёрами в Чехии, Австрии, Германии, перспективы найти в них достойную работу; а также интерес молодёжи к получению высшего образования в московских (МГИМО, МГУ, РУДН), петербургских и сибирских вузах и туризму в постсоветских государствах. Отмечая заметный рост интереса к русскому как иностранному у соседей по Вышеградской четвёрке (V4): Польше, Чехии и Венгрии – и в Австрии, журналисты подчёркивают, что славянам его освоить в разы проще, чем немцам или венграм.

Несмотря на кризис отношений Россия–ЕС, словаки оптимистично смотрят на перспективы трудоустройства молодёжи, владеющей русским. В Топе-10 крупнейших словацких компаний три ведут бизнес с Россией и Украиной в сфере энергетики. В Словакии стартовали проекты «Лукойла», РЖД, «Роснано», «Сбербанка», «Сибура». Словакия – ключевой партнёр Украины по реверсным поставкам природного газа, а в перспективе – участник проекта «Турецкий поток-2». Без лишнего шума работают десятки СП в машиностроении, автотранспорте, деревопереработке. Несмотря на санкции, на основе долгосрочных контрактов продолжается сотрудничество Словакии и стран ЕАЭС и Украины в транспортном машиностроении, химической промышленности, фармацевтике и др. Словацкий антивирус NOD братиславской фирмы ESET¹, а также AVAST и AVG из Чехии традиционно входят в число 5–7 лидеров рынка антивирусного ПО в России и других стран СНГ, успешно конкурируют с российскими гигантами ИТ-индустрии – «Лабораторией Касперского» и «Dr. Web».

Словацкий турбизнес рассчитывает перехватить у чешских и австрийских фирм часть русскоязычного туристического потока. Кроме того, ведущие западные ТНК рассматривают входящую в еврозону Словакию – по аналогии с послевоенной Финляндией – как приоритетную площадку для экспансии в страны ЦВЕ и ЕАЭС, что вызывает встречный интерес у белорусских, казахстанских и российских бизнес-кругов. Кризис на Украине вызвал приток образовательной² и трудовой миграции, стимулирует спрос на словацкую недвижимость со стороны состоятельных украинских предпринимателей и востребованность услуг русскоязычных юристов и риелторов. Поэтому вряд ли кого удивят итоги недавнего исследования Международного республиканского института / IRI (РО 2017: 41). Среди граждан стран V4 словаки, с одной стороны, демонстрируют высокий уровень оптимизма в отношении ЕС: 63% (Венгрия – 61%, Чехия только 46%), – и интерес к укреплению связей с ФРГ: 57% (Венгрия и Чехия соответственно 58 и 59%), – а с другой, считают полезным для своей экономики развитие отношений с Россией: 43% опрошенных (таких среди граждан Венгрии, Чехии и Польши заметно меньше – 27, 25 и 24% соответственно).

¹ В 2000-х ESET успешно обогнала на рынке антивирусов в России Symantec (США), и к 2010 г. доля её продукции достигала рекордных 27%.

² Некоторым словацким вузам сотни украинских студентов помогают заполнить аудитории и не попасть под сокращения. Студентам с Украины (более 1200 в 2017 г. и 2747 чел. в 2018/2019 уч.г.) Словакия – возможность с минимумом проблем «зацепиться в ЕС», получить вид на жительство с перспективой обрести еврогражданство.

Ввиду высокой популярности хоккея в Словакии хороший мотивационный фон для изучения русского языка создаёт участие сильнейших словацких клубов в Континентальной хоккейной лиге с сезона 2011/2012 г. По числу легионеров в КХЛ в расчёте на душу населения Словакия уступает только Финляндии.

2.1. Рунет как источник получения информации

Важный мотив изучения любого языка, в т.ч. и русского, – получение на нём нужной информации. Так, в упомянутом пражском исследовании из опрошенных 84% в возрастной категории 20 лет и выше и 63% респондентов с высшим образованием указали, что русский язык им нужен для работы.

В период до «бархатной революции»¹, когда в Братиславе работал филиал Института русского языка им. А. С. Пушкина и магазин русской книги, проблем с доступом к литературе на русском языке не было. Позже ситуация радикально изменилась; попытки писателя и публициста С.В. Хелемендика в середине 2000-х наладить в словацкой столице продажу русских книг, CD, DVD и сувениров в магазине *Slovanský dom* (Славянский дом), повторив бизнес-модель русских книготоргов и книжно-литературных клубов в Праге, не удалось: возить книги или пересылать почтой в товарных количествах из России, Украины и Беларуси оказалось накладно и нерентабельно и, по словам продавцов, пришлось ориентироваться на оптовых поставщиков из ФРГ. С 2017 г. магазин окончательно перешёл на интернет-торговлю на сайте ruskeknihu.sk и фейсбучную страницу facebook.com/radsejknihu. Для провинциальных книготорговцев (даже в центрах вузовской русистики), например: *Glossa*, *AB Knihy – Hudobniny*, бывш. *Ruská kniha*, в Прешове или *Antikvariát PASEKA* в Банской Быстрице, – где покупательная способность ниже, а накладные расходы выше, специализация на одном иностранном языке просто невозможна. А быстрый рост продаж электронных книг, доля которых в России уже в 2017 г. составила, по данным «ЛитРес» (Макарова, Афанасьева 2017), 30–50% от бумажных, ставит традиционные формы книготорговли в целом в критическую ситуацию.

Обращение к русскоязычной части Википедии в Словакии пока не популярно. Статистика востребованности языков у словацкой аудитории всемирной библиотеки в 3-м квартале 2018 г. была такова (WikiTAR 2018; табл. 3):

Таблица 3. Востребованность языков

Языки	Диапазон (в среднем в %)
словацкий	44,0
английский	34,5
чешский ²	12,0
венгерский	3,3
русский	1,9
немецкий	1,4
другие ³	2,9

Этот словацкий показатель интереса к русскому языку в Википедии и его места в тройке ведущих иностранных языков региона: «английский–русский–немецкий» – близок к уровням и пропорциям Чехии (22,6–2,6–1,5), Польши (15,0–1,7–0,8) и Финляндии (32,9–1,6–0,5).

Очевидно, что сравнительно мало словаков, знающих русский язык, обращаются к Ru.Wikipedia. Словацкие пользователи благодаря местным специализированным СМИ

¹ Интересно, что термин *Бархатная революция / Nežná revolúcia / The Velvet Revolution* (Чехо-Словакия, 1989) придумала дочь эмигранта из Российской империи Станислава Будина – диссидентка Rita Klímová.

² По данным Liveinternet.ru, 36% аудитории чешскоязычного портала Sputnik-Чехия – из Словакии (~127 тыс. за месяц).

³ Далее следовали: японский (0,6%, вероятно, в связи с заключением 01.09.2018 г. соглашения о ESET Japan Inc.), польский, итальянский, французский (по 0,3%), украинский и испанский (по 0,3%).

информированы о популярных сайтах Рунета, возможностях Яндекса, Mail.ru, Рамблера и даже с интересом отслеживали «битву гигантов» – историю конкурентной борьбы Яндекса с Гуглом в СНГ и Восточной Европе. Ключевая проблема здесь – совместимость кириллических и центрально-европейских кодировок и версий Windows, которая требует специальной донастройки. Так, в приходящих из Словакии мейлах на русском языке буквы а, о, е, у, с, р и др., «общие» с кириллицей, зачастую кодируются в их латинской ипостаси; такой текст воспринимается компьютерами в России как многоошибочный. И если Яндекс легко распознаёт и автоматически исправляет ошибки подобного рода, то поисковик Википедии так набранным запросам соответствий не находит. Схожие проблемы с публикациями на русском языке во многих изданиях словацкой научной периодики, публикуемой онлайн в формате .pdf: хотя кириллица как алфавит есть и там, и там (Центральноевропейская версия поддерживает также кириллические болгарский и сербский языки). Но с русским языком они зачастую работают по-разному, и русскоязычные поисковые системы такие тексты «не видят», воспринимая их как бессмысленный набор знаков (например, вместо слова «человек» – «'!/0(/_» и т.п.).

3. Русский язык в науке и системе образования Словакии

Даже в 1990-е годы, а тем более, в эпоху «ренессанса русского языка» в первые десятилетия XXI в., в Братиславе, Банской Быстрице, Нитре, Прешове, Ружомберке регулярно выходили журналы и альманахи по вопросам русистики и сравнительного изучения славянских языков и культур со статьями на русском языке: *Slavica Slovaca* (1965–), «Русский язык в центре Европы» (1999–), *Rossica Nitriensia* (2006–), «Jazyk a kultúra / Язык и культура» (2010–), *Rossica Iuvenum* (2011–2015), *Slavica Nitriensia* (2012–), *Studia Russico-Slovaca* (2012–), *Lingua et vita* (2012–), «European Journal of Contemporary Education / Европейский журнал современного образования» (2012–), «Mladá rusistika – nové tendencie a trendy» (2012–), – а также издания булгаковедов и Клуба Ф. М. Достоевского в Нитре (сборники статей конференций *Bulgakov a dnešok* («Булгаков и современность», 2005), *Dostojevskij a dnešok* («Достоевский и современность», 2007), *Tragédia doby, človeka, literatúry* («Трагедия эпохи, человека и литературы», 2011). Характерный факт: почетным сопредседателем Клуба Достоевского и участником заседаний в Нитре многие годы был кардинал Я. Х. Корец (Ján Chryzostom Korec, 1924–2015), известный богослов, правозащитник и глубокий знаток русской литературы классического и советского периодов. В последние десятилетия в Словакии вышли качественные переводы трудов В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, В. В. Розанова, Л. И. Шестова¹, Андрея Белого, о. Александра Меня, Ю. М. Лотмана и др. и исследования их наследия (Злочевская 2014).

Опрос, проведённый в июле–августе 2002 г. среди читателей 16 словацких научных и учебных библиотек, показал, что примерно треть (35,4%) учителей гимназий, преподавателей вузов и учёных владеет двумя иностранными языками (самая частая комбинация АЯ–РЯ), четверть (25,4%) – тремя иностранными языками (чаще всего АЯ–РЯ–НЯ) и около 9% – четырьмя. Только одним иностранным языком среди опрошенных владели 20% (обычно АЯ). В первую пятёрку языков входили: английский (73,7%), русский (51,7%), немецкий (50,7%), французский (15,8%) и венгерский (15,3%) (Šušol 2007: 41). 67,6% владеющих русским языком в своей работе использовали интернет-источники часто и ещё 21,3% изредка (там же: 43). На вопросы об электронных публикациях мнения распределились так, как показано ниже в табл. 4 и 5 (там же: 44).

Таким образом, Рунет как источник и место научных публикаций востребован академическим сообществом Словакии, что свидетельствует о владении РЯ на хорошем профессиональном уровне. Такие показатели русского языка в стране, испытывавшей

¹ Из интересных новейших работ молодых исследователей: Dulebova, Duleba 2018; Pružinec, Gallo 2018.

евроэйфорию в преддверии вступления в ЕС, даже вызвали некоторое удивление исследователей, которые объяснили этот феномен тем, что около 86% опрошенных действующих учёных и преподавателей были старше 30 лет (там же: 41).

Таблица 4. Отношение к публикациям в Интернете

Вы уже публиковали или хотели бы опубликовать некоторые свои работы в интернете? (в % от владеющих этим языком; <i>некоторые не ответили</i>)			
	Публиковал	Публиковал бы	Не публиковал бы
русский язык	19,4	40,7	36,1
английский язык	16,9	39,0	39,6
немецкий язык	12,3	38,7	43,4
французский язык	18,2	36,4	36,1
венгерский язык	12,5	25,0	56,3

Таблица 5. Отношение к электронным журналам

Вы уже публиковали или хотели бы опубликовать некоторые свои работы в веб-журналах? (в % от владеющих этим языком; <i>некоторые не ответили</i>)			
	Публиковал	Публиковал бы	Не публиковал бы
русский язык	14,8	46,3	34,3
английский язык	10,4	46,1	39,0
немецкий язык	7,6	39,6	45,3
французский язык	15,2	39,4	42,4
венгерский язык	6,3	46,9	40,6

К сожалению, в целом иная картина складывается при опросе более чем 2200 учащихся ведущих словацких вузов в 2009 гг. в рамках проекта IGPAK-2 (Bellérová a kol. 2010; главной целью исследований IGPAK было изучение навыков использования интернет-ресурсов, поэтому в вопросниках стояла формулировка: «На каком уровне вы владеете профессиональной терминологией на английском или ином мировом языке?», которая отсекала чешский и венгерский, но не давала должной ясности в отношении русского, немецкого и французского языков). Так, активно владели иностранными языками и могли создавать на них собственные тексты только 41,7% студентов-филологов. Будущие экономисты, педагоги и гуманитарии: историки, философы, культурологи – оценивали свои возможности намного скромнее: 22,3%, 14,1% и 13,8% соответственно. Хуже всех ситуация была у естественников и «технарей» – 6,5 и 10,1%. Правда, значительная часть респондентов сообщила, что они понимают текст при чтении, но не могут использовать эту информацию без проблем (там же: 96) и прибегают к помощи систем автоматического перевода (там же: 72). В итоге исследователи сделали вывод о недостаточной языковой компетентности и низкой мотивации к работе с иностранной литературой у респондентов (там же: 81).

При этом с одной стороны, исследование подтвердило сравнительно низкий уровень включения в учебный процесс информации на иностранных языках: только 6% респондентов указали, что чтение иноязычных источников от них требовалось по всем предметам, и ещё 11% – в более, чем половине изучаемых курсов (там же: 43). Работа с текстами на иностранном языке вообще не входила в программу подготовки будущих экономистов, агрономов и машиностроителей; также и 52% студентов-филологов и 77% гуманитариев заявили, что от них не требовали работу с иноязычной литературой (Džuganová, Gondová 2011). С другой стороны, – более половины участников опроса выразили готовность записаться на курсы, где бы их научили грамотно пользоваться базами данных и иными иноязычными интернет-ресурсами (там же, табл. 31: 96). В ряде вузов преподаватели-русисты сетуют, что многие студенты ленятся читать изучаемые произведения писателей-классиков не только в оригинале, но и в переводах на словацкий или чешский языки. В то же время по другую «сторону баррикад» – среди учащихся

филологов гуляют рассказы о «преподах-монстрах», которые при сдаче экзаменов не дают ограничиться кратким пересказом сюжета из учебников или интернета, а требуют читать и анализировать первоисточник – сами художественные тексты.

Выявленную тенденцию подтверждает и анализ списка Bibliografia нового учебника «Русская литература XVIII–XXI вв.» (Eliáš a kol. 2014: 215–218) для филологов-русистов. Качественно подобранная библиография включает авторитетные вузовские учебники, академические словари, справочники и исследования на русском (56 позиций), чешском (19), словацком (18), английском (4), немецком (2) и польском (1) языках и подтверждает отличную ориентацию авторов в современных тенденциях российского литературоведения как в его научной, так и университетской составляющей. Но вряд ли все эти книги будут доступны большинству студентов. Что же касается интернет-ресурсов, то в списке всего лишь 7 ссылок (даны ссылки не на действующий litera.ru, а на Библиотеку Мошкова lib.ru – с ошибкой). Нет там и отсылок к фундаментальным источникам с материалами открытого доступа в форматах pdf, djvu, fb и др.: к Фундаментальной электронной библиотеке «Русская литература и фольклор» (ФЭБ, feb-web.ru), Русской виртуальной библиотеке (rvb.ru), электронным библиотекам ИРЛИ (lib.pushkinskijdom.ru) и ИМЛИ (biblio.imli.ru), сетевым изданиям «Весь Толстой» (tolstoy.ru) и «Федор Михайлович Достоевский» (fedordostoevsky.ru), оцифрованным фондам Президентской библиотеки им. Ельцина (prlib.ru), Российской Национальной библиотеки (nlr.ru/res), Института этнологии и антропологии (iea-ras.ru), проектам «КиберЛенинка» (РГБ, cyberleninka.ru), Руниверс (Runivers.ru), Ruthenia (ruthenia.ru), «Журнальный зал» (magazines.russ.ru).

В школьном образовании в 2000-х – 2010-х гг. в Словакии, как и в целом в «новых государствах-членах ЕС» (NMS12), сложилась устойчивая триада языков: английский («современный эсперанто») – немецкий – русский. Эта ситуация отражается и в идущей с января 2014 г. «борьбе» русского и немецкого языков за 2-е и 3-е места в этом мировом рейтинге «Исторические тенденции в использовании языков контента для веб-сайтов» (W³Tech). В Словакии русский язык вернулся в число предметных экзаменов на аттестат зрелости (maturita) весной 2005 г. Вскоре были открыты билингвальная физико-математическая секция в гимназии им. А. Эйнштейна в Братиславе (с 2005 г.; с 2016/2017 уч. г. её выпускники сдают матуритные экзамены по русскому языку на уровне C1) и две частные двуязычные гимназии на востоке страны (в Кошице 2006/2007 уч. г., в Снине 2007–2012), организаторы которых живо интересовались опытом финско-русской школы Восточной Финляндии (Itä-Suomen koulu) и некоторые даже съездили туда, чтобы всё увидеть своими глазами. Сегодня, по данным с сайта посольства России, русско-словацкие билингвальные секции существуют в 9 государственных гимназиях Словакии (в 2017 г. – в 4-х). С 1 сентября 2017 г. в Братиславе за счёт спонсорских средств действует небольшая Частная основная школа с русским и словацким языками обучения (www.ruskaskola.sk), где часть школьных предметов изучают на русском языке, ведёт носитель русского языка, братиславчанка, выпускница МПГУ. Учредитель и директор русско-словацкой школы Й. Бача (Jozef Bača) сообщил, что в первый год её работы ежегодная плата за обучение составила всего €150 (Nový Čas 2017).

Таблица 6. Важный для карьеры язык, в % от общего количества (ЕВ 2006: 32)

	Англ. яз.	Нем. яз.	Русск. яз.	Франц. яз.	Исп. яз.
Словакия	72	61	6	5	2
Чехия	70	55	7	6	3
Польша	72	46	9	5	2
Литва	87	28	50	4	1
Финляндия	88	19	10	8	4

Характерны тенденции изменения интересов к языкам за 6 лет. Так, в исследовании Евробарометра 2006 г. на вопрос: «Какой язык, кроме родного (материнского), наиболее полезен для Вашего личного развития и карьеры?» – ответы распределились таким образом, как показано в табл. 6. При аналогичном опросе в 2012 г. формулировка вопроса была чуть изменена: «Какие языки следует учить детям для успешного будущего?», а результаты оказались такими (табл. 7):

Таблица 7. Необходимость языков в будущем (ЕВ 2012: 79)

	Англ. яз.	Нем. яз.	Русск. яз.	Франц. яз.	Кит. яз.
Словакия	87	60	15	6	3
Чехия	92	44	10	5	1
Польша	87	40	7	4	4
Литва	95	19	49	4	2
Финляндия	89	17	34	7	5

Очевиден рост интереса к английскому и русскому и вытеснение испанского с 5-й позиции китайским языком.

В школах Словакии с 2010 г. английский изучался как обязательный предмет (первый иностранный язык) в начальной школе с 3-го класса, и только с 7-го класса школьники начинали осваивать второй иностранный язык. Право выбора конкретного языка – прерогатива руководства школ. В ряде специализированных школ русский мог изучаться и с начальной школы как второй иностранный. Но количество таких учебных заведений было минимальным и в 2000-х гг. и русский в начальной школе I ступени (1–4-е классах для детей 6–9 лет) осваивало – главным образом, на востоке страны – порядка 0,2–0,4% (или ~250–500 чел.) от общего числа словацких учащихся этого уровня.

На II ступени основной школы (5–9 классы) и в средних школах и гимназиях¹ (для учащихся в возрасте 15–19 лет) процент изучающих русский язык в 2000-х – 2010-х гг. быстро рос, достигнув пика в 2014 г. (табл. 8):

Таблица 8. Изучаемость русского языка в школе по данным Центра научно-технической информации СР cvtisir.sk

	5–9 классы		Средняя школа	
2004	12.895	4,0%	12.078	3,8%
2007	9.831	3,6%	12.795	4,3%
2010	30.848	12,9%	28.281	10,6%
2014	49.114	22,5%	28.454	13,2%
2015	46.914	21,7%	26.969	12,8%
2016	37.725	17,5%	25.001	12,2%
2017	35.079	16,1%	24.495	12,1%

При этом словацкие учителя отмечают, что процент учащихся средних школ (уровень B1) и гимназистов (уровни B2/C1), успешно сдающих матуритные экзамены по русскому языку, из года в год оказывается более 50% (табл. 9):

Таблица 9. Изучаемость русского языка по годам по данным Министерства образования, науки, исследований и спорта СР minededu.sk (2011/2012 и 2017/2018 учебные годы)

2011/2012 учебный год				
	Уровень B1 (чел.)	Успешно	Уровень B2 (чел.)	Успешно
Английский язык	26.332	48,4%	15.651	55,4%
Немецкий язык	10.550	42,9%	2.304	44,7%
Русский язык	1.409	53,5%	293	43,3%

¹ В гимназиях на второй иностранный язык обычно выделяется 3 урока по 45 минут в неделю.

2017/2018 учебный год				
	Уровни В1–С1 (всего чел.)	Успешно В1	Уровень В2	Уровень С1
Английский язык	36.376	53,9	63,4	66,8
Немецкий язык	3.397	39,4	62,0	50,0
Русский язык	878	51,2	54,6	48,2

Политические коллизии Брексита (Brexit) также оказали влияние на этот расклад. С 2019/2020 уч. года английский язык перестанет быть обязательным в школах Словакии. По словам главы Минобра Словакии М. Любйовой (TASR 2018), языковая либерализация простимулирует возвращение интереса школ к французскому, испанскому и итальянскому языкам. Идею ожидаемо горячо поддержали Общество преподавателей немецкого языка и германистов Словакии (SUNG) и Ассоциация русистов Словакии (ARS), которые заявили, что модель «родной язык + два иностранных», обеспеченная достаточной финансовой поддержкой учебных часов, полностью отвечает духу культурно-языковой политики Евросоюза, а многоязычие «способствует разрушению этноцентризма, повышению шансов молодых людей добиться успеха в жизни».

Таким образом, с одной стороны, вопрос выделения Министерством образования Словакии учебных часов на изучение иностранных языков в словацких школах ощутимо коррелирует с внешнеполитическим контекстом. С другой – при выборе языка родители и ученики смотрят на иностранный язык как на «путёвку в жизнь»: среди тех, кто нацелен на эмиграцию в США, Канаду, Великобританию и Австралию (в которых уже проживает около 1 млн этнических словаков), акцент делается на глубокое изучение английского; среди школьников западной части страны популярен немецкий, дающий возможность найти работу в соседней Австрии или австрийских и немецких компаниях в Словакии и других странах Центральной / Средней Европы (Mitteleuropa); русский язык традиционно пользуется наибольшим спросом в северных и восточных регионах страны.

Русистов готовят в большей части классических университетов Словакии – им. Я. А. Коменского (Братислава), им. М. Белы (Банска Быстрица), им. Константина Философа (Нитра), им. свв. Кирилла и Мефодия (Трнава), в Прешовском университете (Прешов) и Католическом университете (Ружомберок).

Подводя итог обзору динамики изучения/преподавания русского и других иностранных языков в Словакии, отметим ощутимую политизированность этих процессов: количество специализированных классов и университетских кафедр, выделяемых на изучение языков часов и т.п. сотрудниками министерств СР часто рассматривается не с точки зрения запросов населения (в ряде вузов Словакии для нефилологов существует практика выбора языков: английский – обязательный, а группы изучающих немецкий, русский или французский языки создаются, если в них записалось как минимум 10 студентов) или выявленных потребностей рынка, а через призму соперничества в этом регионе «мягкой силы» и политико-экономического влияния стран Anglo-Saxondom'a (прежде всего США и Великобритании), Германии и Австрии, Франции, России. Так, приход к власти одних партий ведёт к сокращению финансирования одних языковых школьных и университетских программ, а других партий – знаменует урезанием бюджетных средств на другие языки.

На богословских факультетах также явны предпочтения при выборе живых языков: на католических и греко-католических доминируют английский, итальянский (встречаются французский и немецкий); в евангелических, лютеранских – английский и немецкий; в православных – новогреческий. Пока единственное исключение – преподавание русского языка на протяжении шести семестров для студентов Высшей школы здравоохранения и социальной работы св. Алжбеты в Братиславе (VŠZaSP sv. Alžbety), где готовят соцработников и медперсонал для благотворительных католических миссий, которые будут работать на Украине, в Казахстане и России (в Омске, Перми, Уссурийске).

4. «Меркантильный аспект», или коммодификация¹ русского языка в Словакии

Распространённость языковых курсов и средние цены на их услуги (занятия) – один из объективных показателей интереса населения той или иной страны к изучению иностранных языков. Сегодня большинство частных языковых курсов и школ во всех восьми краях Словакии предлагает разные программы русского языка. При этом отмечаются постепенный рост средних расценок на час занятий и расширение спектра предложений.

Так, в начале 2000-х руководители учебных заведений нередко легко шли на предложения по минимизации часов, а затем и закрытию классов русского языка, видимо, из карьерных соображений, из опасений прослыть «старорежимником», ретроградом, недостаточно лояльным к новым политическим веяниям. Углублённое изучение русского языка в специализированных секциях могли себе позволить единичные образовательные учреждения, типа братиславской Частной славянской гимназии (SSG, с 1993 г.), при этом прикрываясь определением «славянская» и не афишируя то, что русский язык де-факто преподаётся как главный второй иностранный. Предложений частных языковых курсов было мало, а стоимость 60 минут² в стандартной группе (6–8 чел.) составляла порядка 90–110 словацких крон (Sk), или ~€2,34–2,67, в мини-группе из 2–3 слушателей среднего уровня 200 Sk (~€5,1) и 250 Sk (~€6,27) бизнес-коммуникации.

В следующее десятилетие ценовая ситуация сложилась таким образом: с 2008 по 2018 г. средняя цена 60 минут учёбы в стандартной группе выросла с €3,5–3,8 до €4,1–7,5³, на бизнес-курсах в мини-группах – с €7,9–8,6 до €13,3–16,0. Зато предложения индивидуальных занятий за счёт возросшей конкуренции на рынке образовательных услуг расширили ценовой диапазон: от €13,2–14,3 до €9,9–16,5 и даже €20 (если лектор – природный носитель русского языка и при этом может давать грамматические комментарии на словацком). В целом, по цене учебного часа изначально немногочисленные курсы русского языка уже к середине 2000-х гг. вышли на уровень ценовой политики аналогичных программ английского, немецкого, французского и испанского языков и с тех пор удерживаются на «общеевропейском уровне» (в конце 2010-х дороже только крайне редкие предложения изучения восточных языков – китайского, японского, корейского, арабского).

Для адекватного понимания динамики цен стоит учитывать, с одной стороны, рост благосостояния населения Словакии: в 2006–2008 гг. средняя зарплата достигала €623–723, а в 2018 г. она впервые превысила €1000; при этом чистая зарплата, «на руки», после уплаты всех налогов и отчислений – около 65% от оклада. С другой, не следует забывать о неравности уровня доходов жителей разных регионов. Так, в центре, на севере и востоке (Банска Быстрица, Жилина, Кошице) зарплаты составляют ~70% от братиславского уровня, а на депрессивном северо-востоке, в Прешовском крае, ещё меньше – ~60%. Соответственно слушатели курсов на востоке страны могут найти языковые фирмы, где будут платить за учебный час на 10% меньше, чем в Братиславе или других западных регионах Словакии. Последнее заметно и по предложениям скайп-курсов: братиславчане запрашивают за час обучающего общения с ними на русском языке €8–20, русисты из других регионов заметно скромнее – €6–10.

ТРКИ / TORFL. В Словакии на рынке услуг языковых курсов большой популярностью пользуются программы подготовки к сдаче тестов для получения сертификатов TOEFL, IELTS, PET, FCE, CAE, ÖSD, Goethe-Zertifikat, Test DaF. Стоимость таких занятий заметно

¹ Подробнее о термине «коммодификация / товаризация» см.: Muth 2017; Pavlenko 2017; Viimaranta et al. 2017; Ольнова 2017: 589; Богомазов, Давыдова 2017: 421–422.

² Здесь и далее используется пересчёт «академических часов» (40-, 45- и 50-минутных) в единый удобный для сравнения стандарт – 60 минут.

³ Расчёты по прайс-листам курсов Rustinaonline.sk, Doucma.sk, Azbuka.sk, Rustinaonline.sk, Zilina-jazykova-skola.sk, Jazykovaskolavav.sk, Diamond-school.sk, SIV.sk, Jazykovka-poprad.sk.

выше среднестатистического показателя: €5,8–7,5 за 60 мин. в стандартной группе, ~€8–9 в мини-группе и €16–18 за индивидуальные занятия. Дополнительные статьи дохода такого рода подготовительных программ – предложение тренировочной сдачи теста (~€150–160 за трёхчасовой «пробег» и разбор ошибок), продажа книг соответствующих учебных комплексов. Стоимость самих экзаменов в зависимости от уровня сложности и рыночной востребованности в 2018/2019 уч.г. колебались: PET (€110), BEC (€125–190), IELTS (€204), Goethe-Zertifikat (€75–200), ÖSD (€75–130), DALF (€50–120). Сессии по этим программам тестов проводятся несколько раз в год.

К сожалению, российские компании в Словакии и других странах региона ЦВЕ до сих пор мало обращают внимание на наличие у принимаемых ими на работу местных сотрудников документов, которые подтверждали бы уровень владения русским языком на должном уровне. Парадокс, но именно кадровики, специалисты HR фирм и организаций стран Евросоюза больше, чем их коллеги из русскоязычных стран, интересуются наличием у принимаемых на работу молодых словаков сертификатов ТРКИ, РЯДО и иногда РЭТ (русский язык в международном туристском бизнесе).

Первый раз тестирование на получение сертификатов ТРКИ в Словакии было проведено в 2000 г. В Российском центре науки и культуры (РЦНК) в Братиславе первые такие экзамены состоялись в 2003 г., когда сертификат порогового уровня получили 3 человека и был открыт учебно-экзаменационный центр, на базе которого шла подготовка к сдаче сертификационных экзаменов (выпускники курсов РЦНК в среднем показывают результаты на уровне 85% и выше). Тестирование на сертификат «Русский язык делового общения» в Словакии проводится с 2004 г., как правило, один раз в год.

Отдельные частные языковые курсы, работающие вне Братиславы, при методической поддержке РЦНК предлагают своим слушателям программы подготовки к сдаче ТРКИ. Серьёзную конкуренцию им составляют коллеги в Чехии. Характерная деталь – запрос на Google.sk на словацком языке *jazyková skúška TORFL/TRKI* автоматически переводит его на чешский: *jazyková zkouška TORFL/TRKI* – и сходу предлагает адреса, где можно к ним подготовиться и пройти сертификационное тестирование в Праге, Киеве или в городах России.

5. Словацкая русистика

Начало истории словацкой русистики (см.: Машкова 2013: 9–26) традиционно отсчитывается от трудов Яна Кóллара (1793–1853), П. Й. Шафáрика (1795–1861) и Людовита Штúра (1815–1856). Большое значение в её развитии сыграли, к сожалению, пока недооценённые в России литературно-критические очерки о русских классиках от Карамзина до Льва Толстого и Чехова в серии статей о мировой литературе Светозара Гурбан-Ваянского (1847–1916) в газете *Národné noviny*¹.

Русский язык как предмет был включён в учебную программу Университета им. Яна Амоса Коменского в Братиславе (УКВ) с момента учреждения Философского факультета в 1922 г. Здесь работали такие мировые научные светила, как фольклорист П. Г. Богатырёв (в 1933–1939 гг.) и философ Н. О. Лосский (1942–1945 гг.). Но собственно русистика как строго научная дисциплина стала развиваться именно при проф. А. В. Исаченко, который переехал в Братиславу в 1941 г. и в 1946–1955 гг. возглавлял Русский семинар в УКВ (с 1948 г. – кафедра русского языка и современной филологии).

В 1956–1990 гг. в Праге Чехословацко-советским институтом Чехословацкой академии наук (ČSAV) издавался журнал *Československá rusistika*. В 1966–1990 гг. в Братиславе для учителей-русистов выходил журнал *Ruštínár* («Русист») и действовал филиал Института русского языка им. А. С. Пушкина.

¹ Подборка статей о русских литераторах доступна онлайн в разделе *State o svetovej literatúre 2* в электронной библиотеке «Золотой фонд SME» (zlatyfond.sme.sk/dielo/1630/Vajansky_State-o-svetovej-literature-2).

С началом распада Чехословакии ещё в феврале 1991 г. была зарегистрирована как общественная организация Ассоциация русистов Словакии (АРС, www.ars.sk), которая продолжила в новых условиях деятельность существовавшей в ЧССР Ассоциации русистов Словацкой социалистической республики – республиканской части Чехословацкой ассоциации русистов. Первым главой АРС'а стал вице-президент МАПРЯЛа в 1976–1990 гг. Михал Сотак (1927–2018).

Во второй половине 1990-х определился новый, лишённый любых политических коннотаций лингводидактический курс словацкой русистики – культурологический, который точно выражается в двух тезисах: «преподавать язык через культуру – культуру через язык» (Е.И. Пассов) и «познавать / развивать родную культуру и язык через изучение иноязычной культуры». Именно этот посыл лёг в основу уникального инновационного учебного комплекса «Встречи с Россией» (Kollárová, Trušinová 1996; Kollárová, Trušinová 1998; Ravingerová, Kuželová, Vochminová, 2000), получившего высокую оценку у русистов в других странах Европы и Азии.

Вехой в развитии словацкой русистики стал 1999 г. Именно тогда по инициативе нового президента АРС, вице-президента МАПРЯЛа Э. Колларовой начал выходить научный журнал «Русский язык в центре Европы» (номера доступны в формате .pdf на www.arsk.sk/casopisy) и 16–22 августа в Братиславе прошёл IX конгресс МАПРЯЛ. С мая 2004 г. возникла традиция проведения в Словакии регулярных конференций русистов стран региона ЦВЕ – «Братиславские встречи русистов», опыт которых, как думается, был учтён при проведении других региональных форумов специалистов в области преподавания РКИ. Планировалось их проведение раз в два года. Изначально рассматривались варианты организации очередных форумов в странах V4 и Австрии под названием «Дунайские встречи русистов», которые стали бы примером для проведения аналогичных конференций русистов в других регионах мира. Но на практике они проводились только в Словакии и не так регулярно: II в 2005-м в словацком городе-курорте Пиештянах, III – 2007-м, IV – 2009-м, V – 2011-м, VI – 2013-м, VII – в 2017-м в г. Ружомберок на севере страны. Подобные региональные форумы преподавателей русского языка прошли в Западной и Северной Европе: «Европейский форум» (Брюссель, 2003 и 2005; Мадрид, 2008), Форум русистов в Хельсинки (2006), «Венские форумы русистов» (2013, 2015); в Азиатско-Тихоокеанском регионе: в Улан-Баторе (2002, 2007) и Владивостоке (2015, 2017); а также в странах Северной Африки и Ближнего Востока (Каир, 2009).

В сотрудничестве с коллегами из Чехии АРС поддерживает традиции ежегодного международного конкурса «Памятник Пушкину» для школьников, изучающих русский язык. Впервые этот конкурс прошёл в кошицкой гимназии по инициативе Нины Тютчевой в начале 1950-х гг. В 1959 г. прошёл первый общенациональный чехословацкий тур, а с 1966/67 уч. г. он получил новое название («Пушкинский памятник-Rossiana») и статус общегосударственного конкурса под эгидой Министерства образования и культуры ЧССР и Общества чехословацко-советской дружбы. К концу 1970-х гг. устоялась структура конкурсов: соревнования проходили по категориям – школьники и гимназисты до 15 лет из русскоязычной среды, школьники и гимназисты до 15 лет из нерусскоязычной среды, школьники и гимназисты старше 15 лет из русскоязычной среды, школьники и гимназисты старше 15 лет из нерусскоязычной среды, студенты высших учебных заведений, а также музыкально-певческий и драматический конкурсы.

В период «бархатного развода» Чехии и Словакии русистам обеих стран удалось сохранить эту культурную традицию. Теперь уже под новым названием ARS POETICA соревнования проходили в Словакии, Puškinův památník – в Чешской Республике; финал же словацко-чешский тур назывался «ARS POETICA – Puškinův památník». В 2006–2007 г. на севере Словакии были дважды проведены международные конкурсы-фестивали чтецов-декламаторов русской поэзии и прозы стран Центральной и Восточной Европы «Пушкиниана / ARS поэтика» с участием команд из Венгрии, Польши, Словакии и Чехии.

6. Сложности изучения русского языка в Словакии

Общие истоки русского и словацкого языков, с одной стороны, помогают легче и быстрее усвоить лексику и грамматику, развивать лингвистическую догадку, но, с другой – зачастую на определённом этапе приводят к ситуациям псевдопонимания, дис- или даже псевдокоммуникации (подробнее: Коренькова 2012: 107, 116–117). Классический случай – «ложные друзья переводчика». Так, Словацко-русский словарь ложных друзей переводчика (ЛДП) содержит более 800 пар лингвистических ловушек. Поэтому одна из преподавательских мантр на уроках русского языка продвинутого уровня в Словакии – «похоже не есть то же». Типичны случаи интерференции, требующие специальной отработки в классе:

- 1) при использовании предлогов: *я учусь на университете* (словацк. *študovať na univerzite*);
- 2) грамматические (при различии рода похожих слов): *рút'* в словацком женского рода, в русском – мужского; напротив: *systém, problém* в СЯ мужского, а *система, проблема* в РЯ – женского;
- 3) лексические: глава МИД принял и *поздравил* посла (*приветствие – pozdrav*); *азбука* (вмест. *кириллица*); *информации* (в мн.ч.!) вместо *сообщения*; *агентура* (словацк. *agentúra*) вместо *агентство*; *термин* (словацк. *termín*) вместо *срок* – напр.: *новый термин*; *фундатор* (словацк. *fundátor*) вместо *основатель*; *абстракт* (словацк. *abstrakt*) вместо *аннотация ~ резюме* (статьи) и т.д.

Традиционные проблемы с сочетаемостью: *устранить пожар* (=погасить, хотя в словацком используются слова с теми же корнями: *uhasiť oheň / požiar*).

Встречаются паронимические смешения: субъектный / субъективный, федеральный / федеративный (хотя в словацком существует аналогичная пара *federatívny / federálny*).

Бросятся в глаза типичные проблемы, связанные с различиями традиций транслитерации имён: *Цесарь* – Цезарь, *Фавст* – Фауст, *Нитше* – Ницше, *св. Метод* – св. Мефодий, *Томаш* – Фома, *Ян Хуняди* – Янош Хуньяди, *Матей Корвин* – Матьяш Корвин, *Дюмас* – Дюма, *Франц Лист* – Ференц Лист и т.д. Встречаются трудности в передаче исторических реалий: эпоха *турецких захватов* (вмест. *турецких нашествий, турецкого ига*; хотя существуют близкие эквиваленты: эпоха *турецкого владычества – Ěra tureckej nadvlády*).

Причём, бóльшая часть этих сложностей-псевдопохожестей легко исторически объяснима и даёт отличную возможность систематического сравнения двух языков с целью лучшего понимания – с помощью иного языка – особенностей родного языка и культуры в их историческом развитии.

Традиционно мало внимания в классах учителя успевают уделить пунктуации. Студенты отмечают недостаточное внимание авторов учебников к идиоматике, специальной терминологии и терминологическим сочетаниям в бизнес-сфере, делопроизводстве, а также основам офисного сленга. Ощутима нехватка современных узкопрофильных учебников (последние учебники русского языка для юристов, медиков, инженеров и представителей других технических специальностей выходили в 1970-х).

Литература

- Azyl a migrácia / Štatistiky. *Saýt Министерства внутренних дел СР*. minv.sk/?statistiky-20)
- Bellérová, B.; Džuganová, D.; Gondová, D.; Homolová, L.; Kadnárová, M.; Matušovičová, E.; Poláčíková, A. (2010) *Informačné vzdelávanie v podmienkach slovenských vysokých škôl: analytická štúdia*. Bratislava: Slovenská asociácia knižníc.
- Červeňák, A. (2012) *Na margo ruskej moderny*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa.
- Dulebova, I.; Duleba, M. (2018) Lev Shestov's philosophical prose: Poetological components of "Apotheosis of Groundlessness" in relation to the philosophy of subjectivism. *World Literature Studies*, 10(2), 41–50.

- Džuganová, D.; Gondová, D. (2011) Využívanie elektronických informacných zdrojov vo výučbe na slovenských univerzitách z pohľadu študentov i knihovníkov. *INFORUM 2011: 17. konferencia o profesionálnych informačných zdrojoch*. Praha, 24.–26.V.2011. inforum.cz/sbornik/2011/30.
- Eliáš A., a kol. (2014) *Ruská literatúra 18.–21. storočia*. Bratislava: VEDA.
- EB (2006) Eurobarometer 243: *Europeans and their languages*. Fieldwork.
- EB (2012) Eurobarometer 386: *Europeans and their Languages*. Report.
- Eurostat (2018a) *Foreign language skills statistics*. Data extracted in September 2018; ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Foreign_language_skills_statistics.
- Eurostat (2018b) *Number of foreign languages known (self-reported) by sex* (last update 27.09.) ec.europa.eu/eurostat/web/education-and-training/data/database.
- Ferdinec, Cs.; Csernicskó, I. (2017) Jazyk ako labyrint etnopolitických vzťahov na Podkarpatskej Rusi. *Dejiny – internetový časopis Inštitútu histórie FF PU v Prešove*. 2, 54–72.
- Harbul'ová, L. (2000) *Ladomirovské reminiscencie. Z dejín ruskej pravoslávnej misie v Ladomírovej 1923–1944*. Prešov: Pravoslávna bohoslovecká fakulta Prešovskej univerzity.
- Harbul'ová, L. (2001) *Ruská emigrácia a Slovensko (Pôsobenie ruskej pooktóbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939)*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity.
- Harbul'ová, L. (2005) Ruskí emigranti a medzivojnové Slovensko. *História – Revue o dejinách spoločnosti*, 1, 24–26.
- Harbul'ová, L.; Nachajová, M.; Babotová, L. (eds.) (2006) *Ruská a ukrajinská emigrácia na východnom Slovensku v rokoch 1919–1945*. Prešov: Štátna vedecká knižnica
- Hofstede Insights*. Compare countries. hofstede-insights.com/product/compare-countries.
- Inglehart, R.; Haerpfel, C.; Moreno, A.; Welzel, C.; Kizilova, K.; Diez-Medrano, J.; Lagos, M.; Norris, P.; Ponarin, E.; Puranen, B. et al. (Eds.) (2014) *World Values Survey: Round Three – Country-Pooled Datafile Version: worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV3.jsp*. Madrid: JD Systems Institute.
- Jakub, M. (2014a) *Average Number of Languages Spoken by the EU Population*. jakubmarian.com/average-number-of-languages-spoken-by-the-eu-population.
- Jakub, M. (2014b) *Map of the Percentage of Population Able to Speak Russian in the EU by Country*. jakubmarian.com/map-of-the-percentage-of-population-able-to-speak-russian-in-the-eu-by-country.
- Jakub, M. (2016) *Number of Foreign Languages Studied per Pupil in Europe*. jakubmarian.com/number-of-foreign-languages-studied-per-pupil-in-europe.
- Kollárová, E.; Trušinová, L.B. (1996) *Встречи с Россией*. Ruský jazyk pre 1.-2. ročník stredných škôl. 1-е изд. 1996; 2-е изд. 2004, 3-е изд. Bratislava: SPN.
- Kollárová, E.; Trušinová, L.B. (1998) *Встречи с Россией*. Ruský jazyk pre 3.-4. ročník stredných škôl. 1-е изд. 1998; 2-е изд. 2010 Bratislava: SPN.
- Koncepcia (2016) *Koncepcia vzdelávania v jazykových školách. Návrhy koncepčných opatrení na ďalší rozvoj vzdelávania v jazykových školách*. Bratislava: Štátny pedagogický ústav,
- KNM (2017) *Kultúra národnostných menšín. Úrad splnomocnenca vlády Slovenskej republiky pre národnostné menšiny*. narodnostnemensiny.gov.sk/kultura-narodnostnych-mensin-2017.
- LiS (2012) *Languages in Slovakia. The European Commission's Eurobarometer data*. languageknowledge.eu/countries/Slovakia.
- Matula, P. (2005) Vzťahy s Ruskom? V prvom rade pragmatizmus. *Hospodárske noviny*. 28.02. slovensko.hnonline.sk/112788-vztahy-s-ruskom-v-prvom-rade-pragmatizmus.
- MiS (2017) *Migration in Slovakia*. *International Organization for Migration* iom.sk/en/migration/migration-in-slovakia.html.
- Muth, S. (2017). Russian language abroad: Viewing language through the lens of commodification. *Russian Journal of Linguistics. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 21 (3): 463–492. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-2-463-492
- Nový Čas (2017) V Bratislave otvárajú prvú ruskú školu na Slovensku: S jednou triedou a za takýto poplatok! *Nový Čas*. 06.06. cas.sk/clanok/556756/v-bratislave-otvaraju-prvu-rusku-skolu-na-slovensku-s-jednou-triedou-a-za-takyto-poplatok.
- Pavlenko, A. (2017) Russian-friendly: how Russian became a commodity in Europe and beyond. In: Muth, S.; Ryzanova-Clarke, L. (eds.) *The commodification of Russian around the world (Special issue)*. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 20(4), 385–403
- PO (2017) *Public Opinion in Hungary, Poland, Czech Republic and Slovakia*. Washington: Center for Insights in Survey Research. International Republican Institute. iri.org/sites/default/files/four_country_full_presentation_may_24_2017.pdf
- Ravingerová, A; Kuželová, O.; Vochminová, L.L. (2000) *Встречи с Россией*. Ruský jazyk pre 1.-2. ročník stredných škôl. Pracovný zošit pre 1. ročník. Bratislava: Metodické centrum.
- RNM. *Ruská národnostná menšina. Úrad splnomocnenca vlády Slovenskej republiky pre národnostné menšiny*. narodnostnemensiny.gov.sk/ruska-narodnostna-mensina.
- SITA (2015) *Ruský a srbský jazyk by mohli byť menšinovými jazykmi*. 19.03. rtvs.sk/clanok/76323

- SLM (2017) Slovakia's legal migrants increase but the numbers of illegal migrants fall. *The Slovak Spectator*. 09.03. spectator.sme.sk/c/20479662/slovakias-legal-migrants-increase-but-the-numbers-of-illegal-migrants-fall.html.
- Viimaranta, H.; Protassova, E.; Mustajoki, A. (2017) Aspects of commodification of Russian in Finland. *Russian Journal of Linguistics. Вестник Российского университета дружбы народов*. 21(3), 620–634.
- Šušol, J. (2007) *Využívanie elektronických zdrojov v kontexte jazykových kompetencií používateľa. Nová paradigma spracovania a využívania informácií* (CD ROM). Bratislava: Univerzita Komenského. 39–48.
- Pružinec, T.; Gallo, J. (2018) *Berd'ajev – Frank – Il'jin. Traja myslitelia ruskej personalistickej filozofie*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre. Filozofická fakulta
- TASR (2018) M. Lubyová: Plánujeme liberalizáciu výberu prvého cudzieho jazyka. 27.09. teraz.sk/slovensko/m-lubyova-planujeme-liberalizaciu-v/351146-clanok.html
- W³Tech (2018) Usage of content languages for websites. 01.09. w3techs.com/technologies/history_overview/content_language.
- Weir, F. (2010) Ukrainian vs. Russian language: two tongues divide former Soviet republic. *The Christian Science Monitor*. 15.03. csmonitor.com/World/Europe/2010/0315/Ukrainian-vs.-Russian-language-two-tongues-divide-former-Soviet-republic.
- WikiTAR (2018) Wikimedia Traffic Analysis Report – Wikipedia Page Views Per Country – Breakdown. Monthly requests or daily averages, for period: 01.–30.09.2018. stats.wikimedia.org/wikimedia/squids/SquidReportPageViewsPerCountryBreakdown.htm
- Zväz Rusov na Slovensku. zvazrusov.sk/?page_id=116&lang=ru; расширенная словацкая версия – zvazrusov.sk/?page_id=114
- Арефьев, А.Л. (2017) *Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник*. Вып. 7. Министерство образования и науки Российской Федерации. Москва: ЦСИ.
- Арефьев, А.Л.; Шереги, А.Ф. (2009) *Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник*. Вып. 2. Москва: ЦСПиМ.
- Аристов, Ф.Ф. (1995) *Литературное развитие Подкарпатской (Угорской) Руси*. Москва: [б. и.].
- Балакова, Д.; Вальтер, Х.; Мокиенко, В.М. (2012) *Лента библейской мудрости. Краткий русско-словацко-немецкий словарь крылатых слов*. Ружомберок.
- Барковская, Н.В. (2016) Внутренние контакты словацкой и русской поэзии (Творчество Валерия Купки). *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*, 26(2), 40–51.
- Богомазов Г.Г.; Давыдова Д.А. (2017) Сфера культуры как объект изучения экономической науки. *Вестник СПбГУ. Экономика*, 33(3), 415–432.
- Волошин, Авг. (1921) *О письменном языке подкарпатских русинów*. Ужгород: УНЮ.
- Геровский, А.Ю. (1938) *Борьба чешского правительства с русским языком*. oboguev.narod.ru/images/cr3.htm
- Геровский, А.Ю. (1995) *Язык Подкарпатской Руси*. М.: б/и [Шарапов]
- Злочевская, А.В. (2014) Изучение русской литературы в Чехии и Словакии (1990–2005 гг.): Аннотированная библиография. *Stephanos*, 7, 135–150.
- Зоркий, Н. (1926) *Спор о языке в подкарпатской Руси и чешская Академия наук; Как осведомляет д-р Иван Панькевич чешскую республику о наших языковых делах*. Ужгород: Изд. авт.
- Коренькова, Т.В. (2012) Экзотизмы, интернационализмы и псевдоинтернационализмы в преподавании русской культуры в зарубежной аудитории. *Русский язык в Центре Европы*, 15, 107–121.
- Коренькова, Т.В.; Кореньков, А.В. (2013) Вклад русскоязычья Украины, Беларуси и Молдавии в современный лексический фонд русского языка. *Русский язык в Центре Европы*, 16, 27–37.
- Коренькова, Т.В.; Кореньков, А.В. (2017) Литература Древней Руси как необходимый фон в курсе истории русской литературы. *Русский язык в Центре Европы*, 17, 77–97.
- ЛДП. *Ложные друзья переводчика. Словацко-русский словарь* (1600 статей). slovník.org/cgi-bin/main/main.pl/gu/00004/n.
- Макарова, Е.; Афанасьева, А. (2017) Книги становятся телефонными. Продажи электронной литературы растут за счет смартфонов. *Коммерсант*, 30.08. kommersant.ru/doc/3397031.
- Машкова, А.Г. (2013) *Словацко-русские межлитературные связи: страницы истории*. Москва: ИНФРА-М.
- Московкина, И.И. (2013) По страницам журнала «Русский язык в центре Европы». *Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна*, 1048. *Філологія*, 67, 249–251.
- Ольнова, М. (2017) Русский язык в Северной Норвегии: исторические, экономические и культурные связи. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*, 21(3), 587–604.
- Палади, А. (2011) Функционирование русского языка в условиях диглоссии и полиглоссии (опыт полевой работы). *Вестник. Современный русский язык: функционирование и проблемы*, 25, 157–162.
- Пукиш, В.С. (2008) О словацких переселенцах на Кавказе. *Кубанский сборник*, 3(24), 63–68.
- Рупосова, Л.П. (2012) Русины и русинский язык: история и современность. *Вестник Московского гос. областного университета*, 3, 91–96.

- Синельников, А.Б. (2009) Семья и брак на европейском фоне. В: Андрееenkova, А.В.; Беляева, Л.А. (ред.). *Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование»*. Москва: Academia, 326–346.
- Толстой, Н.И. (2005) Литературный язык Подкарпатской Руси. *Русин*, 1(1), 73–75.
- Фатула, А.В. (2016) *Русины: Кто такие?: Славянский мир*. Москва: Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына.
- Целунова, Е.А. (2011) Зачем чехи изучают русский язык: опыт социолингвистического анализа. *Вестник Современный русский язык: функционирование и проблемы*, 25, 20–25.
- Червняк, А.М. (2007) К вопросу переоценки ценностей. *Русский язык в центре Европы*, 10, 50–55.
- Чумаков, А.В. (2008) *Россияне в Словакии. Российские соотечественники в Словакии. История и современность*. Братислава: Stredna odborna skola polygraficka.
- Чумаков, А.В. (2011) Очерки истории. Русские и русский язык в Словакии. *Русская народная линия*. 04.04. ruskline.ru/monitoring_smi/2011/04/04/ocherki_istorii_russkie_i_russkij_yazyk_v_slovakii.
- Шмигель, М. (2017) Обмены населением СССР с Польшей и Чехословакией в 1944–1947 гг.: аналогии и различия эры политического переселения народов. *Запад–Восток*, 10, 214–230.
- Юрасов, М.К. (2015) Бан Белуш – один из возможных прототипов былинного героя Дюка Степановича. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2(60), 94–102.